

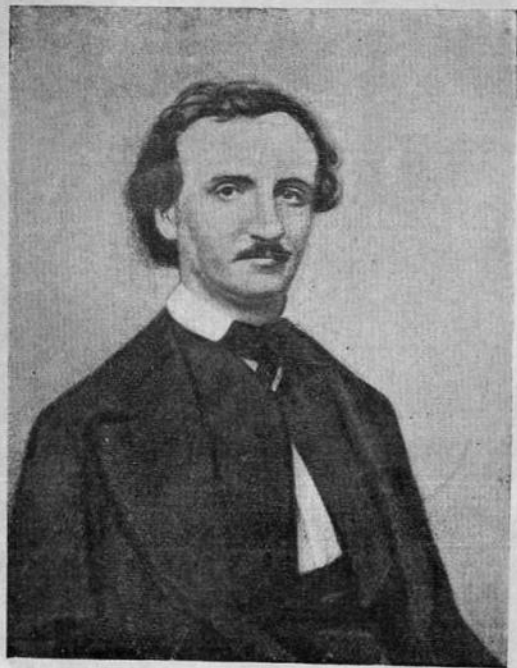
ЭДГАР ПО

ПОЭМЫ
И СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРВИНА — МОСКВА

1923

СЭ.

ЭДГАР ПО
1809—1849

П О Э М Ы
И
СТИХОТВОРЕНИЯ

В ПЕРЕВОДАХ
с оксфордского издания 1909 г.
ВАС. ФЕДОРОВА.

ПЕРВИНА
Москва — 1923

„Мосполиграф“
7-я типография
Главлит 2836.
Тираж 2.000.

Эдгар По родился 19 января 1809 — умер 7 октября 1849; при жизни автора вышли четыре книги стихов:

1. Тамерлан и др. стих. Бостонца. Изд. 1827, стр. 36.
2. Аль Аарааф, Тамерлан и мелкие стих. Эдгара По. Изд. 1829, стр. 71.
3. Стихотворения Эдгара По. Нью-Йорк. 1831, стр. 124.
4. Ворон и друг. стих. Эдгара По. Нью-Йорк. 1845, стр. 91.

БОРОН

Как-то ночью одинокой
я задумался глубоко
Над томами черной магии,
забытой с давних пор.
Сон клонил,—я забывался...
Вдруг неясный звук раздался,
Словно кто-то постучался—
постучался в мой затвор...
— „Это гость,—пробормотал я,—
постучался в мой затвор,
Запоздалый визитер...“

Ясно помню тот декабрьский
Лютый ветер, холод адский,
Эти тени—по паркету
черной бахромы узор,—
Как меня томило это,
как я с книгой ждал рассвета
В страшной скорби без просвета—
без просвета по Линор,
По утраченной недавно
светлой, ласковой Линор,
Невозвратной с этих пор.

Вдруг забилось неприятно
сердце в страхе под невнятный
Шорох шопотный пурпуровых
моих тяжелых штор;
Чтоб унять сердцебиенье,
сам с собою без смущенья
Говорил я, весь—волнение:
— „То стучится в мой затвор
Запоздалый гость,—смущенно
он стучится в мой затвор,
Этот поздний визитер“.

Взяв себя немного в руки,
крикнул я в ответ на стуки:
— „О, пожалуйста, простите,—
я сейчас сниму затвор!
Задремал я... рад... приятно...
но стучались вы невнятно,
Было даже непонятно—
непонятно: стук ли, вздор?..
А теперь я различаю—
это точно—стук, не вздор!..
Дверь открыл: ночной простор.

Никого! В недоумении,
с новым страхом и в смущеньи
От неведомых предчувствий,
затаившийся, как вор,
Я смотрел, на все готовый,
в сумрак холода ночного,
И шепнул одно лишь слово,
слово-шопот, в ночь, „Линор“...
Это я сказал, но где-то
эхо вторило: „Линор“...
Тихий, жуткий разговор.

Я захлопнул дверь. Невольно
сердце сжалось острой болью.
Сел... и скоро вновь услышал
тот-же звук: тор-тор... тор-тор...
— „А-а,—сказал я:—так легка мне
вся загадка: стук недавний—
Дребезжанье старой ставни...
только ветер... мелочь... вздор...
Нет, никто там не стучался,—
Просто ставни... зимний вздор...
Мог бы знать и до сих пор“.

Быстро встал,—окно открыл я.
Широко расставив крылья,
Крупный ворон—птица древняя—
в окно ко мне, в упор,
Вдруг вошел, неторопливо
всхлюпав перья, и красивым
Плавным взлетом, горделиво,
— словно зная с давних пор,—
Пролетел, на бюст Паллады сел...
как будто с давних пор
Там сидел он, этот Ворон.

Сколько важности! Браводы!
хохотал я до-упаду:
— „Ну, неожиданный гость, приветвам!
Что-ж, садитесь! Разговор
Я начну... Что много шума
натворил ты здесь, угрюмый
Ворон, полный древней думы?
— Ну, скажи—как бледный хор
Называл тебя?—в Аиде
бестелесных духов хор?
Ворон крикнул: Nevermore“

Я вскочил от удивленья:
новое еще явление!—
Никогда же приходилось
мне слышать подобный вздор!
— Вы забавны, Ворон-птица,—
только как могло случиться
Языку вам обучиться
и салонный разговор
Завязать, седлая бюсты?
Что-ж, продолжим разговор,
Досточтимый Nevermore“...

Но на белом четко-черный
он теперь молчал упорно,
Словно душу всю излил
в едином слове ворон-вор!
И опять понурый, сгорблен,
я застыл в привычной скорби,
Все надеясь: утро скорбь
утишит... Вдруг, в упор,
Неожиданно и властно,
с бюста белого, в упор
Птичий голос: „Nevermore“

Вздрыгнул я: ответ угрюмый
был в том крике мне на думы!
Верно ворону случалось часто
слышать, как повтор,
Это слово... звук не нежный...
Знать, его хозяин прежний,
Зло обманутый в надеждах,
повторял себе в укор,
Обращаясь безотчетно к ворону,
ронял укор
Безысходным Nevermore.

Весь во власти черной тени,
в жажде предсуществлений,
Я теперь хотел жестоко
с этой птицей жуткий спор
Завязать,—придвинул кресло
ближе к бюсту... и воскресла—
— Там в мозгу моем, воскресла
словно грозный приговор
Логика фантазмагорий
странно слитых в приговор
С этим криком Nevermore...

И теперь меня глубоко
волновали птицы рока—
Птицы огневые очи
устремленные в упор.
Свет от лампы плавно лился,
он над вороном струился...
Я мучительно забылся,—
мне казалось: с вечных пор
Этот черный змурый ворон
здесь, со мной, с извечных пор
Со зловецим Nevermore.

Словно плавное кадило
в кабинете воскурило
Фимиамы, и туманы
наплывали с алых штор.
Простонал я: „Дух угрюмый,
что томишь тяжелой думой?
Обмани предвечным шумом
крыльев черных, и Линор —
Позабыть совсем дай мне —
дай забыть мою Линор!
Крикнул ворон „Nevermore“.

— Прорицатель! Вестник горя!
Птица-дьявол из-за моря!
За душой моею выслал Ад
тебя? — Хватай же, вор!
Ветер... злая ночь... и стужа...
В тихом доме смертный ужас —
Сердце рвет он, этот ужас,
строит склеп мне выше гор...
Ну, хватай! Ведь после смерти
позабуду я Линор!
Крикнул ворон „Nevermore“

— Прорицатель! Вестник горя!
Птица-дьявол из-за моря!
Там, где гнутся своды неба,
есть же божий приговор!
Ты скажи — я жду ответа —
там, за гранью жизни этой
Прозвучит ли речь привета
иль пройдет хоть тень Линор —
Недостижной здесь навеки,
нежной, ласковой Линор?
Крикнул ворон „Nevermore“.

В непереносимой муке
я стонал: „О, пусть разлуки
— Будет знаком это слово,
мой последний приговор!
— Вынь из сердца клюв жестокий,
ворон, друг мой, — одиноко
— Улетай в Аид далекий,
сгинь в неведомый простор,
— Населенный привиденьями
айдовый простор!“
Крикнул ворон „Nevermore“.

И злобный, и сердитый,
 все сидит он и сидит он,
Черный ворон на Палладе,
 охраняя мой затвор...
И от лампы свет струится...
 И огромная ложится
От недвижимой этой птицы
 на пол тень... И с этих пор
Для души моей из мрака
 черной Тени—с этих пор—
Нет исхода—Nevermore.

ПРИМЕЧАНИЕ

Ворон с некоторыми незначительными вариациями перепечатан в февр. книжке Amer Whib Review 1845 и в июньской Broadway Journal в том же году.

Дата написания

1) Уильям Элиот Гриффис в Home Journal от 5 ноября 1884 сообщает, что Эдгар По упоминал о поэме, называемой Ворон, еще летом 1842 в разговоре с г-жей Барайт, которой и показывал рукопись тем-же летом.

2) Розенбах, в сообщении сделанном в American от 26 февр. 1887, относит написание Ворона на зиму 1843—44 года. Он читал Ворона задолго до напечатания у Грахама. По, передавая эту поэму жаловался на крайнюю нужду в деньгах, говоря, что его жена и теща едва ли не умирают с голода.

Компания—Грахам, Годли, Мак-Микель и др.— поэму забраковали, но все же сообрали 15 долларов из чувства сострадания.

3) Ф. Г. Фэйрфильд в октябрьской книжке Scribner's Magazine за 1875: „По после обеда отправлялся из Нью-Йорка в свой фордамский уголок, где его не тревожил городской шум, пил там чай и работал до поздней ночи. В ту пору его жена, Виргиния, была при смерти; материальное положение было из рук вон плохо—не хватало даже на лекарства. В один из этих тяжелых вечеров, уже в одиннадцатом часу, Эдгар вышел из дому, забрел в свой уголок, и набросал Ворона. Этот набросок он принес тогда же для просмотра Г-же Клем, и в ту же ночь обработал всю поэму“.

Фэйрфильд прибавляет:—„Это рассказал мне один знакомый, со слов г-жи Клем, в конце 1865 г.; летом 1867 я имел случай повстречаться с самой г-жей Клем и проверить истинность рассказа. Помимо версии г-жи Клем, Фэйрфильд приводит еще рассказ капитана Дю-Соль, бывшего в ту пору в весьма дружеских отношениях с Эдгаром, согласно которому Ворон написан среди

веселой компании собиравшейся в погребеке Уэльша на Анстрите за кружкой пива.

Дю-Соль говорит, что вся поэма была написана строфа за строфой в один вечер с перерывами для шуток и советов по поводу каждой отдельной строфы.

Выслушивая отдельные замечания, По соответственным образом поправлял или дополнял отдельные места. Таким образом вся поэма являет собой коллективное стихотворение.

To M. L. S.
(Марии Луизе Шйю)

Из всех, кому с тобой свиданье—утро,
Из всех, кому с тобой разлука—ночь,
Когда на небе вычеркнуто солнце
Священное—из всех, кто в горькой доле
Тебя благословляет ежечасно
За жизнь и за надежду, а преболе
Всего—за воскресенье схороненной
Глубоко веры в Правду и Гуманность;
Из всех, кому на богохульном ложе
Отчаяния смертного подняться
Дано при ласковых твоих словах:

„Да будет свет!“ исполнившихся странно,
Словах, светящих в ангельских глазах;
Из всех, кто более всего обязан
Одной тебе, чья благодарность нынче
Ближе всего подходит к поклоненью,
Вернейшая, покорнейшего вспомни
И думай: тот, кто пишет эти строки,
Такие слабые, дрожит при мысли
Что с ангельской душой он говорит.

ЗАГАДКА

Сказал глупец разумный мне когда-то:
Как шляпу итальянскую на свет
Порой рассматриваем мы раз'ято,
Так различим с полмысли, коль сонет
(Петрарки выдумку) вдруг развернем, поэт,
И постараемся (прелестной даме
Работа не под силу) за словами
Загадочный здесь разгадать ответ—
Он, как сова пушистая перед вами
Что спряталась от солнечных знамен,

С прозрачнейшим из радостных имен
Соединенный, углублен стихами,
Скользя сквозит в дыханьи этих строк—
Бессмертию бросаемый намек.

ПРИМЕЧАНИЕ

Соединяя: первую букву первой строки, вторую вторую и т. д. в порядке строк, получаем: Сарра
Анна Льюис.

ПРИЗНАНИЕ

Фантазию поэта разгадать
Трудней всего; невидному другими
Птенцу в гнезде назначено лежать...
Тайственное в стих я скрою имя.
Ищи к строкам поближе, о химере
Упомни и об амулете, думай
О всем, в сердцах таймом, и в размере
Еще ищи, в согласных легком шуме,
В предлоге, прилагательном, союзе
И в знаках препинания; отвагой
Исполнишь: здесь не Гордиев дан узел—

Значит не должно пользоваться шпагой.
Слова, их три здесь,—их неуловимо
Тебе поэт произносил не раз—
Они прозрачат стих,—душа любимой
—Всегда сквозит в молчаньи милых глаз;
Синоним истины они,—скрывать
Я их в стихах задумал; гладко
Я стансы довожу к концу... Искать?—
О, тщетный труд:—не разгадать загадки!

ПРИМЕЧАНИЕ

Соединяя: первую букву первой строки, вторую второй и т. д. в порядке строк, получаем:
Френсис Серджент Осгуд.

АННАБЕЛЬ ЛИ

Это было давно, было очень давно—
В королевстве приморской земли.
Молодая там радость жила,
Ее звали Аннабель Ли.
Я любил ее, а она меня—
Как любить только мы могли.

Были детьми—и я, и она —
В старом замке приморской земли.
И любовь была красотой любви
Для меня и Аннабель Ли.
О подобной любви одни в небесах
Ангелы знать могли.

За это тогда — далеко, давно —
В старом замке приморской земли,
Из-за тучи злой налетевший вихрь
Убил мою Аннабель Ли.
В замок торжественно люди вошли,
Любимую мной унесли
В пустой, глухой и безмолвный склеп,
В старом замке приморской земли.

Лишь ангелы в страшной зависти к нам
О мести решить могли —
Да, волею их (и то знают все
В королевстве приморской земли)
Из-за тучных налетевший вихрь
Смертью сразил мою Аннабель Ли.

Но ведь наша любовь выше тайн и чудес —
Как мы, полюбить не могли
Другие в пределах земли —
И ангелов сонмы на выси небес,
Как и демоны в недрах земли,
Бессильны могильной плитою отнять
От меня мою Аннабель Ли.

Когда светит луна,
вся душа предана
Снам а сладостной Аннабель Ли.
Когда звезды встают,
надо мною цветут
Глаза радостной Аннабель Ли.
Вместе с ней мы одни —
сквозь все ночи и дни —
С дорогой и любимой невестой одни
Под тяжелом настилом земли
Там, в могиле приморской земли.

З В О Н

1.

Слушай—санки... бубенцы...

Бубенцы!

Это—радость, серебрянки,

Пролетят во все концы!

Звон за звоном, словно гроздь,

По морозу в ночь и в тень.

И мигающие звезды,

Ярко брызнув в мерзлый воздух,

Динь-динь-динь и День-день-день—

И раздольно и гульливо

По руническим мотивам

Ручейками разливаясь, торопясь во все концы —
Бубенцы!
Запевают бубенцы—
Пролетают и играют бубенцы.

2.

Слушай—сладостный, зеркальный
Звон венчальный!
Звон искристый, золотистый,
Звон недалный, беспечальный!
Он плывет по стогнам ночи,
То протяжней, то короче!
Полнозвучный, весь литой,
Золотой—
Пеньем лютни, лютни плавной
Своеправной,
В тишину,

Песней горлинки забавной
На весеннюю луну,—
Он из чаши колокольной
Вольный, как поток раздольный,
Нарастает...
Нарастает в высь и сладостно он тает,
Отдыхая, замирая...
Звон за звоном—перезвон,
Звон, и звон, и звон, и звон
Перезвон—
Отовсюдный, изумрудный, светлый звон...

3.

Слушай—гулкий нудный тон,
Медный звон.
Буйство бури, ужас жгучий...
Бам-бом-бам-бам, бом-бам-бом...
В ночь сорвавшаяся вьюга
Воплем дикого испуга.
В страхе смяты все слова,—
Все угрожнее и глуше
В перепуганные уши
Черной ночи!.. И едва
Различно в клубах дыма
Раз-и-два и раз-и-два—

Словно режет визг и скрежет
Каждый грохотный удар,
Обезумевший взвивает, развевает

Он пожар.

За обугленные крыши
Злым прыжком все выше, выше,
Чтоб в отчаяньи летучем

Лечь, как зарево, по тучам,

Где едва-едва видна

Бледноликая луна...

Бам-бом-бам-бам, бом-бам-бом!

Перезвон

Жуткой повестью звучит—

Он вопит, рычит, стучит

Прямо в грудь дрожащей дали—

Долгим стоном—

Перезвоном,

Лязгом вздыбившейся стали,

Спутав все колокола,—

Чтоб огнем раз'ялась мгла

В брань да в споры,

В крик раздора,

В гневный стон—
Бом-бом-бом—за звоном звон—

Перезвон.

Звон-звон-звон-звон.

4.

Слушай—звон, железный звон.

Этот звон,

Что за мир угрюмой думы

Навевает властно он!

Он в тиши ночной возникнул—

Дрожью в сердце он проникнул—

Страх, угроза в этом плаче

Колокольном,

Жуть напоминая,

В горле ржавом—содроганье,

Стон невольный.

Там звонарь на колокольне—

Одиночества бездольней—

В сон печальный

Однозвучными руками

Звук за звуком мерит звуки

Муки, тяжелой словно камень,

Муки, скорби подневольной,

Тем, кто там, в могиле тесной—

Не ему, не ей,—безвестной

Тени черной:

Властелин теней упорно

Сеет звуков—взмахом вздорным—

Зерна.

Похоронный звон!

Плачет, скачет, воет он,

Этот похоронный звон,

Углубляя смертный сон—

Как вороний черный грай,

Через край и, край, и край,

Этот похоронный звон—

Перезвон.

Как вороний черный грай
Через край, и край, и край
Колыхающийся звон—
Перезвон и звон, и звон,
Разливающийся звон.
Через край, и край, и край—
Похоронный перезвон,
Как вороний черный грай—
Колыхающийся звон—
Перезвон, и звон, и звон.
Разливающийся звон
Звон, и звон, и звон, и звон, и звон—
Перезвон и звон,
Монотонный, похоронный
Перезвон.

1849 г.
Весна.

ПРИМЕЧАНИЕ

„Звон“ написаны у г-жи Шью весной в 1849 г.
Джон Ингрэм приводит подлинные слова г-жи
Шью:

„Однажды он (Эдгар По) зашел ко мне со
словами— „Мария Луиза, я мог бы сейчас написать
стихотворение, но нет ни сил, ни охоты, ни
вдохновения“.

Эдгару был предложен чай в беседке-оран-
жерее с открытыми окнами. Неподалеку нахо-
дилась церковь—в этот час на ней благовестили.

Г-жа Шью положила перед По лист бумаги и
сказала, шутя:

„Ну, вот вам и бумага“.

Эдгар досадливо отмахнулся:

— Меня злит этот вечерний звон! Я не могу писать—я забыл все темы,—я совершенно опустошен...

Г-жа Шью, подражая манере По, взялась за перо и написала „Звон“ Эдгара По и первую строку.

„Слушай, санки... бубенцы“ и По сразу закончил всю первую строфу. Тогда г-жа Шью опять написала первую строчку следующей строфы, и По снова записал всю строфу.

В заголовке По исправил:

„Поэма г-жи Шью“, ссылаясь на то, что стихотворение несомненно принадлежит ей оттого, что „в стихе компановка, план—самое важное“...

Брат г-жи Шью прибавляет, что после этого Эдгар проспал до полуночи, а проснувшись засел за обычную свою ночную работу.

Поэма „Звон“ была напечатана в 1849 г. в ноябрьской книжке Sartain's Union Magazine. В следующей, декабрьской, книжке была опублико-

вана первая редакция—набросок этой поэмы с примечанием редакции, что приводимое стихотворение прислано в редакцию еще год назад.

Первая редакция, 1848. напечатана в Sartain's Union Mag XII. 1849.

Звон!—Послушай, звон!

Брачный перезвон!

Серебристый звон!

Как крупинки, серебрянки сеет он,—

Словно детски-чистый сон,

Перезвон, и звон, и звон!—

Перезвон!

Звон!—Угрюмый звон!

О, железный звон!

Слушай похоронный звон!

Перезвон...

Жуть и ужас наплывают в мать равнин

Из глубин—

Из таинственных глубин...

Я брожу—один, один,—

При ударах из глубин,—

Перезвон, и звон, и звон—

Перезвон!

ЭЛЬДОРАДО

Весел и смел
Ездок летел
И день, и ночь. Был рад он...
Конь мой, лети!
Надо найти
Дорогу в Эльдorado.

Но без дорог
Он изнемог—
Былая где отрада?
Он был везде,
Но все ж нигде
Не встретил Эльдorado.

Вдруг перед ним
Старым, седым
Виденье с тусклым взглядом.
— „Призрак, куда
— Ехать, когда
— Задумал в Эльдorado?“ —

— „Выше озер
— У лунных гор,
— И ниже Смерти сада
— Гони, гони
— Коня сквозь дни
— Увидеть Эльдorado.

У Л Я Л Ю М

Туманилось небо и стыло,
Листва опадала сухой—
Пожелклой, примятой, сухой.
Никогда не забыть! Это было
В Октябре, в полночи глухой,
Там, где озеро Обер унылое
Мутнело застылой тоской,
В тусклом Вере, в лесной и унылой
Стороне, истомленной тоской.

Среди кипарисов Титанов
Однажды я шел со своей
Душой, со Психеей своей.
О, тогда огневее вулканов
Было сердце! Оно горячей
Было лавы самой,—горячей
Лавы с кратера Янек, что канув
В ледяные просторы полей,
Уносится—с Янека канув—
В дикий холод полярных полей.

Вели мы спокойный и строгий
Разговор, а слова были сухи;
Ничего мы не помнили—сухи,
Как трава на октябрьской дороге,
Были тусклые памяти звуки.
Мы забыли о многом—о многом—
И об озере сером и строгом,
И о крае жестокой разрухи—
Мы забыли, что этой дорогой
Мы, когда-то, дошли до разлуки.

Так вот шли мы. И ночь постарела—
Предрассветные звезды вставали—
Обещали нам утро Устали
Мы как будто... Дорога светлела—
Лунным светом она пробелела—
Полумесяц, сверкнувший несмело,
Поднял ясные рожки в печали—
И алмазы Астарты несмелой
Просверкали из дали в печали.

Я заметил:—„Теплее Дианы
Астарта,—по странам томленья
Она движется тенью томления
Она видит сердечные раны,
Утишает в сердцах треволенья—
Из Созвездия Льва, из Нирваны
Восходит она, чтоб забвенья
Указать нам дорогу, забвенья,
Сквозь Созвездие Льва, из Нирваны.—
Полны очи ее сновиденья.
Сквозь берлогу идет по Нирванам
К Сновидению от Сновиденья.

Но Психея вдруг вскинула руки
И молила:—„О, сжался! Прости!
Эта бледность—больная... Прости...

Я дрожу и слова мои глухи...
В мутном свете нельзя нам идти!

Прочь!... Бежим!.. мы должны...—„И от муки
Ее крылья на пыльном пути

По земле волочились от муки—
Загрязнялись на пыльном пути—
Ее крылья ломались в пути.

Но просил я:—„Напрасны сомненья!
Поспешим на трепещущий свет—
Этот влагой, струящийся—свет!

Полны тайны его излученья—
Это—неба ночного привет—
Красоты и Надежды привет!

О, поверим ему без смущенья,—
Мы за ним! Знай: Обмана здесь нет!

Поверим ему без смущенья—
Даже тени коварства в нем нет:
Это—неба ночного привет.

Успокоил... Рассеял заботу
Поделуем,—не стала томиться
Психея, тревогой томиться.

Мы пошли,—и пришли к повороту—
Перед нами возникла гробница—
Одинокая чья-то гробница.

Я спросил:—„Не прочтешь ли ты, кто тут
Погребен в этой тайной гробнице?“
И в ответ:—„Улялюм... Улялюм...
Здесь могила твоей Улялюм...“

И тогда мое сердце застыло,
Стало пеплом... пожелклой сухой,
Этой смятой листвою сухой...
Простонал я:—„Октябрь этот, был—он...
Той последнею ночью, глухой,
Это здесь проходил я когда-то,
И здесь схоронил я когда-то
Свою жуткую ношу,—глухой
Черной ночью... Какой же, проклятый,
Вновь завлек сюда Демон?.. Унылой
Полно озеро Обер тоской,
Снова в Вере я—в страшной, унылой
Стороне, истомленной тоской.

ПРИМЕЧАНИЕ

Эта поэма была напечатана в декабрьской книжке
Amer. Whig Review за 1847, дополненной еще одной
десятой строфой:

И вдвоем мы тогда прошептали:

— „Как случилось, что сонмы видений —

Ничтожных лесных привидений

Преградили нам путь, и предстали

Смертной тайной чужих сновидений —

Похороненных здесь сновидений?

Спектр планетный они подобрали —

Преисподняя выслала тени —

Светы грешных планет подобрали

В эти, Адом сплетенные, тени“.—

Е Л Е Н Е
(Елене Уитмен)

Тебя я видел только раз единый —
Прошли года — не подсчитать мне: сколько,
Но мнится все, что так немного лет.
В июле это было; поздней ночью;
Подобная твоей душе, по небу
Плыла луна уклонною дорогой,
Рассеивая свет серебряный
На дрему и покой несчетных роз
В саду волшебном ввысь под'явших лица, —
В саду волшебном, где несмелый ветер
Бродил на ципочках, качая розы,
Под'явшие сиянием любви —
В экстазе смертном — ароматы-души
К серебряной и шелковой луне, —
Где, улыбаясь, умирали розы
Присутствием твоим восхищены.

А ты была вся в белом, на скамье
Темнеющей склоненная — роняла
Свой свет луна на лица тихих роз
И на тебя застывшую в печали!

То не Судьба-ль была июльской ночью —
Да, не Судьба-ль (чье имя также: Грусть),
Что я остановился у решетки,
Вдыхая запах задремавших роз
Не шевелясь стоял я; все заснуло.
Лишь ты да я (сливая два созвучья,
Вот эти, бьется сердце — о, отрада!)
Лишь ты да я — померкло и исчезло
Все, все вокруг в блаженный этот миг.
(О, сохрани о нем воспоминанье!)

Жемчужный свет луны погас, и мраком
Окуталась замшковая скамья
И длинная аллея и деревья
Тихонько шепчущие; запах роз
В руках у ветра любящего умер.
И было все одной тобой полно —
Тобой одной, твоей душой, глазами.

Я только их и видел — в целом мире
Я видел только их одно мгновение —
Пока луна померкнуть не успела...
В кристальных сферах сердце в этот миг
Причудливую сказку записало!
Твои глаза — таким глубоким горем
Они светились и надеждой гордой
И смелостью волнующих желаний,
И неизмерною способностью любви!

Я помню, как ушла она — Диана —
На западное ложе грозных туч,—
И ты, меж кипарисов похоронных,
Прошла, как призрак... А глаза остались,—
Твои глаза.. О, им нельзя уйти!
В пустынный путь мой, поздней ночью, к дому,
Они светили мне.. С тех пор со мной
Они навек (...не таковы надежды!..)
Сквозь горечь лет; и я покорен им.
Руководить мной, сомненья
Рассеивать своим прозрачным светом
И пламенем ненашим освещать
Угрюмый мрак души — удел их давний.

Они как звезды в этом дальнем небе
И красота (а красота—надежда).
Коленопреклонный, им молюсь
В печальные часы ночей безмолвных
И в суете дневной... Они со мной
Две сладостно-светящие звезды
Вечерние. Их блеск не застит солнце!

МАРИИ ЛУИЗЕ ШЙЮ.

.....

Еще недавно автор этих строк,
В неодолимой гордости рассудком
Упрямо утверждая „силу слова“,
Говаривал, что ни единой мысли
Доступной человеку нет, пока
Мы знаком языка ее не свяжем:
И вот теперь — как бы ему в насмешку —
Два слова — два чужих двугласных звука
По итальянски, — повторять бы только
Их ангелам, загрезившим по росам —
Светлиночкам в Гермонских косогорах
Жемчужисто пронизанных луной,

Подобных сокровенным думам, или
Лишь душам дум, божественным виденьям,
Быть может выразимым только песней
На Лютне Израфеля (Серафима,
Которому Творцом дан дивный голос
Певучей всех!). А мне? — Увы, бессильно
Мое перо в моих руках дрожащих —
Невыразимо имя дорогое,
Тобой произнесенное, — ни мыслить,
Ни записать, ни даже только грезить
Не дано мне, затем, что перед этой
Мечтою недвижимой и прекрасной,
Раскрыв глаза огромные, стою
Как у ворот раскрытых прямо в грезу.
Направо, влево и вперед открылась
Поверх величественнейшей гробницы
Без края даль в пурпуровых туманах, —
Но весь простор в едином: ты одна.

А Н Н И

Тебе благодарность,
Небесный Отец!
Огневая горячка
Прошла наконец.
И болезни, что жизнью
Зовется, конец:

Грустно, что сил
Больше нет,—но тоской
Не томлюсь, не грущу,
Потревожить покой
Не хочу,—я ценю
Бесжеланный покой.

И спокойный и тихий я
Здесь наконец,—
Подумают люди,
Взглянув, что—мертвец,
В испуге шепнут они:
„Это—мертвец“...

И грезы, и слезы,
И вздохи, и муки
Прошли, и теперь
Не тревожат и стуки—
Там—в сердце—жестокое
Жуткие стуки.

Затих нестерпимый
Мучительный шум;
Конец лихорадке,
Терзающей ум—
И горячечной жизни,
Сжигающей ум.

Там жуткою жаждой
Я был истомлен—
Нефтяною рекою ее,
С давних времен
Истерзал меня страсти
Мучительный сон,—
Но источником светлым
Я здесь утолен.

Быстролетной воды
Запевающий звон—
Успокоил сверкающий
Сладостно он—
Убаюкал ласкающий
Радостно он,

Глупец скажет, быть может,
Что темен покой.
И что узкое ложе
В постели такой—
Но кто спал когда
На постели другой—
Если спать несомненно
В постели такой.

Отдыхаю, не знаю
Томительных гроз—
Забыл и не вспомню
Я запаха роз,
Бывалой тревоги
И мирта, и роз.

Лежу беспечальный я,
Тихий, бесстрастный;
Доносится запах
Ромашки прекрасный,
Шиповника запах
Густой и прекрасный
И скромной фиалки
Простой и прекрасный.

Отрадно мне, тихому,
В грезном сиянии
С думой-мечтой
О любимой мной Анни,
Укрывшись волною
Волос моей Анни.

Целую, шептала:
— „Земное, уйди“...
И радостно я
Задремал на груди—
Забывая, уснул
На любимой груди.

В погасающем свете
Нежна и светла
Она Божию Матерь
Просила—от зла
Уберечь, ограждая
От горя и зла.

Я—укрытый от горести—
Сплю, наконец;
Знаю, что любит,
А вы мне: „мертвец“
Сокрушаясь твердите,—но
Это ль—конец?
Если весь я—любовь,
Разве это—мертвец?
О нелепые бредни,—нет,
Я—не мертвец.

Все светлее на сердце—
Как в звездном сиянии;
Нежно ко мне
Наклоняется Анни,

Я вижу лицо
Дорогой моей Анни,—
Словно звезды, глаза
Убаюкавшей Анни.

МЕЧТА ВО СНЕ

Целую в лоб,—прощай! Прости!
Раз'единяются пути—
И завтра розно нам итти.
Я вижу: ты права была—
Все в жизни—Сновиденье, мгла.
Надежды отлетели прочь,—
Их день развеял, или ночь?—
Зачем гадать, искать ответ,—
Они мечта... их больше нет.
И всё, чем жили мы, поверь—
Виденья смутных снов теперь!

У моря буйного сижу —
И за игрою волн слежу —
И слушаю хорал морской.
Я горсть песку зажал рукой —
Песчинки... мало... — и скользят
Меж пальцев, сыпятся назад —
К бежалостным волнам спешат.
Возможно-ль крепче руку сжать
И золотишки удержать?
— Туманятся глаза слезой:
Не сохранил я ни одной!
— Ужели всё, чем я живу,
Мечта — во сне — не наяву?

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Ворон	7
✓ Примечание к Ворону.	19
2. То М. Л. S.	25
3. Загадка	25
4. Призвание.	37
5. Аннабель Ли.	45
6. Звон	51
✓ Примечание к Звону.	63
7. Эльдorado	69
8. Улялюм.	73
✓ Примечание к Улялюм.	81
✓ 9. Елене.	85
10. Марии Луизе Шйю	91
11. Анни.	95
12. Мечта во сне.	103

Книги Вас. Федорова.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ.

Верхарн. Черные факелы. Полный перев. книги стихов.

Изд. 1922 г. Гос. Изд.

Верхарн. Стихи. Изд. 1922 г. Гос. Изд.

ПЕЧАТАЮТСЯ.

Атараксия. Книга лирики.

Верхарн. Вечера. Полный перевод книги стихов.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Роберт Броунинг. Поэмы.

Роберт Броунинг. Друзья. Драма.

Ап. Суинберн. Северное море. Поэма.

Гюнтиада. Сборник критич. статей.

Дымчатая Планета. Книга стихов.

Кн-во „ПЕРВИНА“.

КОНТОРА: Б. Дмитровка, 9, кв. 84. Тел. 2-44-72.

РЕДАКЦИЯ: Арбат, 51, кв. 89.